М. Гелприн. Свеча горела. Mike Gelprin. The Candle Burned ~1~

Звонок разда́лся, когда́ Андре́й Петро́вич потеря́л уже́ вся́кую наде́жду. The call came when Andrei Petrovich had lost all hope.

– Здра́вствуйте, я по объявле́нию. Вы даёте уро́ки литерату́ры? –"Hello, regarding your ad. Do you give literature lessons?"

Андре́й Петро́вич вгляде́лся в экра́н видеофо́на. Andrei Petrovich peered at the videophone screen. Мужчи́на под три́дцать. The man is about thirty (years old). Стро́го оде́т – костю́м, га́лстук. Formally dressed – a suit and tie. Улыба́ется, но глаза́ серьёзные. He is smiling, but his eyes are serious.

У Андре́я Петро́вича ёкну́ло под се́рдцем,объявле́ние он вы́вешивал в сеть лишь по привы́чке. Andrei Petrovich's heart skipped a beat, he posted the ad on the net only out of habit. За де́сять лет бы́ло шесть звонко́в. In ten years, there were six calls. Тро́е оши́блись но́мером, Three had wrong number, ещё дво́е оказа́лись страхови́ми аге́нтами, another two turned out to be insurance salesman, а оди́н попу́тал литерату́ру с лигату́рой. and one confused literature with legislature.

– Д-даю́ уро́ки, – запина́ясь от волне́ния, сказа́л Андре́й Петро́вич. "Y-Yes, I do," Andrei Petrovich stuttered anxiously. – Н-на дому. Вас интересу́ет литерату́ра? "I-In my home. You are interested in literature?" – Интересу́ет, – кивну́л собесе́дник. – Меня́ зову́т Макси́м. "I am." The caller nodded. – My name is Maksim. – Позво́льте узна́ть, каковы́ усло́вия. May I ask, what do you charge?

«Зада́ром!» – едва́ не вы́рвалось у Андре́я Петро́вича. – *It's free!* – nearly exclaimed Andrei Petrovich. – Опла́та почасова́я, – заста́вил себя́ вы́говорить он. – По договорённости. "Rates are per hour under the arrangement," he forced himself to say.

– Когда́ бы вы хоте́ли нача́ть? "When would you like to start?" – Дава́йте за́втра, – реши́тельно сказа́л Макси́м. "Let's [start] tomorrow," Maksim said definitively. – В де́сять утра́ вас устро́ит? "Does ten in the morning suit you? К девяти́ я отвожу́ дете́й в шко́лу, а пото́м свобо́ден до двух. I drop the kids off at school by nine, and after I am free until two." – Устро́ит, – обра́довался Андре́й Петро́вич. "That works," Andrei Petrovich replied happily. – Запи́сывайте а́дрес. "Write down the address." – Говори́те, я запо́мню. "I'll remember it. Go ahead."

М. Гелприн. Свеча горела. Mike Gelprin. The Candle Burned ~2~

В э́ту ночь Андре́й Петро́вич не спал, Andrei Petrovich didn't sleep that night. ходи́л по кро́шечной ко́мнате, не зна́я, куда́ дева́ть трясу́щиеся от пережива́ний ру́ки. He paced the tiny room, not knowing what to do with his shaking hands. Вот уже́ двена́дцать лет он жил на ни́щенское посо́бие. С того́ са́мого дня, как его́ уво́лили. For twelve years, he lived on a meager subsistence since the day he had been fired.

– Вы сли́шком у́зкий специали́ст, – сказа́л тогда́, дире́ктор лице́я для дете́й с гуманита́рными накло́нностями. "You are too narrow a specialist," the director of the liberal arts high school had said back then. – Мы це́ним вас как о́пытного преподава́теля, но вот ваш предме́т, увы́... "We appreciate you as a skilled teacher, but your subject, alas... Скажи́те, вы не хоти́те переучи́ться? Tell me, would you like to be retrained? Сто́имость обуче́ния лице́й мог бы части́чно оплати́ть. The cost of retraining could be partially paid by the school. Виртуа́льная э́тика, осно́вы виртуа́льного пра́ва, исто́рия робототе́хники – Virtual ethics, the basics of virtual rights, and the history of robotics – вы вполне́ бы могли́ преподава́ть э́то. you could teach them. Да́же кинемато́граф всё ещё доста́точно популя́рен. Even cinematography is still quite popular. Ему́, коне́чно, недо́лго оста́лось, но на ваш век... Как вы полага́ете? It, of course, will not last long, but at your age...What do you think?"

Андре́й Петро́вич отказа́лся, о чём нема́ло пото́м сожале́л. Andrei Petrovich refused, which he regretted later.

Но́вую рабо́ту найти́ не удало́сь, He failed to find a new job. литерату́ра оста́лась в счи́танных учёбных заведе́ниях, после́дние библиоте́ки закрыва́лись, Literature remained in few schools, the last libraries closed, фило́логи оди́н за други́м переквалифици́ровались кто во что гора́зд. and philologists, one after the other, retrained in their own way. Па́ру лет он обива́л поро́ги гимна́зий, лице́ев и спецшко́л. For a few years, he pestered lycées and specialized advanced schools.

М. Гелприн. Свеча горела. Mike Gelprin. The Candle Burned ~3~

Пото́м учился полго́да на ку́рсах переквалифика́ции. Then took six months of retraining classes. Когда́ ушла́ жена́, бро́сил и их. When his wife left, he stopped. Сбереже́ния бы́стро зако́нчились, и Андре́ю Петро́вичу пришло́сь затяну́ть реме́нь. As his savings quickly dwindled, Andrei Petrovich had to tighten his belt. Пото́м прода́ть аэромоби́ль, ста́рый, но надёжный. Then, he sold his aircar, old and reliable. Антиква́рный серви́з, оста́вшийся от ма́мы, за ним ве́щи. He also sold his mother's antique tea set, his mother's memento, after that personal belongings. А зате́м.. Андре́я Петро́вича мути́ло ка́ждый раз, когда́ он вспомина́л об э́том – And then... Andrei Petrovich felt nauseated every time he recalled the memory. зате́м наста́ла о́чередь книг. Дре́вних, то́лстых, бума́жных, то́же от ма́мы. Then, it was the books' turn: ancient, thick, paper, also from his mother. За раритеты коллекционе́ры дава́ли хоро́шие де́ньги, так что граф Толсто́й корми́л це́лый ме́сяц. Collectors paid good money for the rare books, so Count Tolstoy fed him for a month. Достое́вский – две неде́ли. Бу́нин – полторы. Dostoevsky for two weeks. Bunin for one and a half .

В результа́те у Андре́я Петро́вича оста́лось полсо́тни книг – As a result, Andrei Petrovich was left with fifty books – са́мых люби́мых, перечи́танных по деся́тку раз, тех, с кото́рыми расста́ться не мог. the most cherished, read over a dozen [lit. ten]] times – with which he could not part. Ремарк, Хемингуэй, Ма́ркес, Булга́ков, Бро́дский, Пастернак... Кни́ги стоя́ли на этаже́рке, и занима́ли четы́ре по́лки, Remarque, Hemingway, Marquez, Bulgakov, Brodsky, Pasternak...the books were on the bookshelf and occupied four shelves. Андре́й Петро́вич ежедне́вно стира́л с корешко́в пыль. Andrei Petrovich cleaned them daily with a duster.

«Е́сли э́тот па́рень, Макси́м, – ду́мал Андре́й Петро́вич, не́рвно расха́живая от стены́ к стене́, *If this guy, Maksim,* Andrei Petrovich thought, nervously pacing from wall to wall. – е́сли он... Тогда́, возмо́жно, удастся откупи́ть наза́д Бальмо́нта. И́ли Мураками. И́ли Амаду». *If he works out, then perhaps, I can buy back Balmont. Or Murakami. Or even Amado.*

LIVEWORKSHEETS